

ПРАВО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.13

Н.А. Горбатов

ОБ ИСТОЧНИКАХ (ФОРМАХ) ПРАВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 г.

Право как и всякое общественное явление имеет формы своего внешнего выражения, объективного реального существования и функционирования.

В правовой науке внешние формы, при помощи которых фиксируются, закрепляются, официально выражаются юридические нормы, получили название юридических источников права. Этот термин укрепился в юридической литературе как результат признания того, что формы права выступают одновременно и носителями юридических норм, тем «резервуаром», в котором они пребывают и из которого мы получаем соответствующую правовую информацию [1, с. 315].

Внешние формы выражения права, которые возникают в результате сложного процесса правообразования, таким образом, выступают одновременно в юридическом смысле и источниками права.

В советском правоведении значение юридической формы преуменьшалось исходя из марксистского положения о приоритете содержания по отношению к форме. Более того, в советской правовой литературе 20-х гг. XX в. поднимался вопрос о необходимости вообще освобождения от юридической формы [2, с. 23–24]. Между тем форма любого предмета или явления имеет весьма важное значение и оказывает существенное влияние на развитие соответствующего содержания [3, с. 384]. С понятием формы Г.Ф.В. Гегель связывал определенность, поскольку она закрепляет определенную ступень в развитии явлений. Как утверждали в Древнем Риме *dat esse zeī* – форма дает бытие вещи. Форма права в демократических обществах отражает нормативно закрепленную волю общества и однозначно указывает на степень демократичности его политической и правовой системы. Никакое самое ценное содержание не может стать элементом системы правового регулирования, если оно не будет объективировано в надлежащей форме [4, с. 15]. Иными словами, нормы не могут приобрести качества правовых, невозможно их ре-

альное функционирование без официального придания им надлежащей юридической формы. Только вследствие формальной определенности нормы приобретают качества официального общеобязательного правила поведения и подпадают под государственную защиту.

В правоведении с понятием формы (источника) права обычно связывается стабильность функционирования правовой системы, определенность и предсказуемость правовых решений компетентных органов и, в первую очередь, органов правосудия, поскольку определенность, детализированность юридических норм предотвращают субъективизм и произвол при рассмотрении конкретных юридических дел.

Названные и другие обстоятельства предопределяют постоянное внимание юридической науки и практики к проблемам, относящимся к формам (источникам) права. В этом смысле важное значение имеет и исторический опыт, который позволяет учитывать имеющуюся практику и предотвращать ошибки прошлого в сфере правового регулирования общественных отношений. Сказанное относится и к проблемам формирования и развития советского права, его источников в период нескольких лет после октябрьских событий 1917 г., которое осуществлялось на основе марксистской теории социалистической революции.

Как известно, марксистское учение характерно нигилистическим отношением к праву, как регулятору общественных отношений. Им обосновывалось его полное подчинение потребностям экономики. Более того, с точки зрения исторических судеб право рассматривалось как временное явление, которое присуще только эксплуататорским обществам. По мнению К. Маркса, в будущем бесклассовом коммунистическом обществе необходимость в праве отпадает. Оно отомрет и постепенно трансформируется в правила коммунистического общежития. Тем не менее в соответствии с воззрениями К. Маркса необходимость права в условиях первой фазы коммунизма сохраняется. Данное положение он обосновывал в работе «Критика Готской программы», написанной им в 1875 г. [5, с. 259]. Однако одновременно речь шла о создании в этот период нового права, которое отвечало бы интересам пролетариата и формирующегося нового строя.

Поскольку в соответствии с марксистским учением буржуазия при помощи своего законодательства обеспечивает «интересы жадных и не считающихся ни с чем собственников», оно не может служить коммунистическим целям. В этой связи победа революции, приводящая к смене общественной формации, неизбежно влечет за собой изменение эксплуататорской правовой системы, ее слом, как и старого буржуазного государственного аппарата. К. Маркс по этому поводу писал: «Сохра-

нение законов, относящихся к предшествовавшей общественной эпохе, изданных представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, – это означает возведение в закон только этих интересов, находящихся в противоречии с общими потребностями» [5, с. 259].

Опираясь на учение К. Маркса, В.И. Ленин, в свою очередь, подчеркивал необходимость права в условиях переходного к социализму периода и на низшей фазе коммунизма. «Не впадая в утопизм, – писал он, – нельзя думать, что свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всех норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу» [6, с. 95].

Необходимость права в переходный от капитализма к социализму периода, т. е. при диктатуре пролетариата, связывалась большевиками в первую очередь с задачей подавления сопротивления представителей свергнутых эксплуататорских классов и их пособников. При этом подчеркивалось, что социалистическое право немыслимо без аппарата, способного принуждать к соблюдению его норм. Принуждение оправдывалось тем, что оно применяется к паразитирующему меньшинству, и рассматривалось в качестве самозащиты пролетариата. Его задача, в терминологии большевиков, состояла в обезвреживании классовых врагов трудящихся, агентуры империализма и иных особо опасных антисоциальных элементов, а также правонарушителей из числа морально неустойчивых представителей трудящихся.

Одновременно, руководствуясь положениями марксистской теории социалистической революции относительно упразднения старой правовой системы и старого государственного аппарата, В.И. Ленин после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. немедленно приступил к слову, уничтожению буржуазного государственного аппарата и упразднению старого буржуазного права.

Правовой основой слома буржуазного права следует считать Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., который исходил из того, что старое право в целом подлежит отмене и не может использоваться Советским государством. Декреты о суде № 1 1917 г. и № 2 1918 г. устанавливали, что новые советские суды при рассмотрении дел могут руководствоваться законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Революционное правосознание при этом выступало в качестве критерия, с помощью которого суды определяли, какие старые правовые нормы можно использовать. Однако Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. ссылки на законы свергнутых правительств были и вовсе отменены. Старое законодатель-

ство оказалось излишним, поскольку базировалось на иных социально-экономических основах, иных идеологических и моральных ценностях. Были упразднены прежние законы, прежние судебные и другие органы. Возникла ситуация своеобразного правового вакуума, образно говоря, период «бесправья». Старое законодательство было отменено, а новое не создано, поскольку этот процесс достаточно сложный и длительный. Само право стало связываться не с законодательством, а с «революционным правосознанием». Революционным правосознанием следовало руководствоваться, рассматривая конкретные вопросы, решая конкретные дела, т. е. оно стало юридической основой для судебной и административной практики. В указанный период, таким образом, правосознание выступало в качестве основного источника права. А диктатура пролетариата рассматривалась как власть, не связанная никакими (в том числе и своими) законами. «Плох тот революционер, – говорил В.И. Ленин в июле 1918 г., имея в виду Декрет об отмене смертной казни, – который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона» [7, с. 63]. Иными словами, главными регуляторами и руководством к действию стали революционная целесообразность и революционное правосознание. На основе своеобразного понимания революционных целей и революционной целесообразности использовалось и так называемое местное правотворчество, носившее в значительной степени обыденно – упрощенный, а нередко и неправовой характер.

По вопросу о том, как долго длился период законодательного вакуума в советской исторической и юридической литературе не существовало единого мнения ученых. В одних случаях этот период доводился до конца 1918 г., в других – он ограничивался серединой 1918 г. Высказывались и иные суждения. В постсоветской юридической литературе этот вопрос рассматривается несколько иначе. Как пишет, например, Л.И. Спиридонов, советские суды и административные органы на протяжении 5 лет после октября 1917 г. руководствовались преимущественно «революционным правосознанием». Первые кодексы новой власти появились только в 1922 г. [8, с. 146]. Работа по созданию нового законодательства отличалась крайней хаотичностью, непоследовательностью. Например, в апреле 1920 г. Наркомюст решил поставить перед Всероссийским съездом деятелей юстиции вопрос о целесообразности разработки Гражданского кодекса. Доклад по этому вопросу было поручено подготовить А.Г. Гойхбарху. Суть доклада состояла в том, что в ГК необходимости нет. Съезд согласился с Гойхбархом. Однако уже в 1921 г. возникла потребность вернуться к данному вопросу [9, с. 114]. При этом в процессе подготовки новых актов соответствующие орга-

ны руководствовались все тем же «революционным правосознанием». По этому поводу комиссар юстиции в 1917–1918 гг. П.И. Стучка писал: «Мы делали это стихийно, руководствуясь своим революционным чутьем, теоретического подхода, теоретической помощи у нас не было и, прибавим, быть не могло» [10, с. 43]. Что касается первых декретов советского государства и ряда других актов, то они расцениваются скорее как пропагандистские, декларативно-политические документы, призывы к массам, преследовавшие цель обеспечения поддержки большевиков широкими слоями населения. Некоторые акты устанавливали репрессивные меры относительно буржуазии. На основе первых актов регулировалась лишь незначительная часть общественных отношений. Первая Конституция 1918 г. также рассматривается, как политический акт, закрепляющий победу над буржуазным классом, декларировавший факт перехода власти к Советам трудящихся, т. е., по сути, к большевикам. Она представляла собой политическую программу, провозглашавшую основы нового общественного строя, принципы деятельности новой власти, определяла отношение к свергнутым классам и их политико-правовым учреждениям и др. В.И. Ленин писал: «Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов» [11, с. 111].

И только по мере того, как революционный «пыл» уступал место необходимости обеспечения хоть какой-то стабильности, большевики вынуждены были приступить к созданию новых законов. При этом формирование новых подходов к пониманию права, его целям, задачам, шло в жесткой борьбе, которая для отдельных ее участников имела роковые последствия.

Итак, в соответствии с высказанными в юридической литературе суждениями революционное правосознание как источник права играло доминирующую роль вплоть до 1922 г., т. е., по сути, до образования СССР. В этой связи закономерно возникают вопросы: что представляло собой «революционное правосознание» как источник права в указанный период; была ли возможность на его основе обеспечить надлежащее правовое регулирование общественных отношений; могли ли люди, попавшие в водоворот исторических событий, рассчитывать на обоснованное и хотя бы минимально справедливое рассмотрение их дел, особенно в сфере уголовно-правовой и административно-правовой практики? Исторические факты не дают основания ответить на эти вопросы утвердительно.

Революционное правосознание послеоктябрьского периода 1917 г. некоторые исследователи относят к категории обыденного. Большинство лиц, вовлеченных в сферу принятия решений правового характера

не только не обладали какими-либо юридическими познаниями, но не имели достаточной и общей грамотности. Более того, главным условием и требованием к этим лицам были не юридические знания, а преданность революции. Юридическая практика того периода показала, что их представления о праве носили не просто нигилистический характер, но отличались и явным антиюридизмом, поскольку были основаны, главным образом, на политической целесообразности. Как писал П.И. Стучка, источником формирования правосознания трудящихся классов были программы – минимум партий большевиков и эсеров [12, с. 356]. Понимая право как средство подавления свергнутых эксплуататорских классов, как инструмент борьбы с дворянством, белым офицерством, духовенством и пр. новые судебные и административные органы при рассмотрении дел указанных и других категорий лиц не связывали себя такими правовыми понятиями, как «вина», «причинная связь», «обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность», «незначительность деяний», «крайняя необходимость», «необходимая оборона» и т. д. Это освобождало соответствующие органы от необходимости связывать наказание с объективными обстоятельствами дела. Независимо от наличия или отсутствия вины, других обстоятельств наказание определялось исходя из понимания революционной целесообразности, революционного «чутья» и классовой непримиримости. Главным обстоятельством для выбора меры наказания являлось классовое происхождение обвиняемого. Характерно в этом отношении высказывание члена коллегии ВЧК М. Лациса: «Не ищите при расследовании доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему задать, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны решать судьбу обвиняемого» [13, с. 15]. Уличенные в антисоветских деяниях люди при привлечении к ответственности лишались всяких правовых гарантий. По свидетельству современников, даже такие невинные бытовые предметы, как очки или шляпа могли служить признаком «буржуазности» и соответствующего отношения к их обладателям. Нередко уголовное наказание назначалось не в судебном, а в административном порядке [14, с. 11]. После принятия постановления СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» внесудебные расправы с подлинными и мнимыми врагами Советской власти приобрели массовый характер и в сущности лежали за пределами права. Например, в случаях, когда расследование проводилось чрезвычайными комиссиями, смертные приговоры приводились в исполнение вообще без судебного разбирательства. Право вершить суд, вмешательство в человеческие судьбы в этот период перестало быть тонкой и трагической проблемой,

поскольку терял всякий смысл вопрос моральной ответственности судей. Тысячи смертных приговоров выносили судьи различных судов и революционных трибуналов только на основе «пролетаратского чутья» и «революционного правосознания». У этих органов практически не было никаких ограничений при выборе меры наказания. Их приговоры были окончательными и обжалованию не подлежали.

В советской юридической и политической литературе при освещении вопросов, связанных с созданием нового права и действием революционного правосознания как источника права в первые годы после октября 1917 г. обычно в краткой форме упоминалось, что в ходе строительства нового общества, в том числе и нового права, неизбежным были на первых порах и «некоторые ошибки и извращения». В действительности это был мрачный период господства беззакония и произвола, а нередко и простым сведением счетов, имевший тяжкие последствия для народов бывшей Российской империи. И «революционное правосознание» сыграло свою зловещую роль. В сущности, оно лишь по названию было правовым, поскольку не соответствовало представлениям о праве, сложившимся в мире к началу XX в. По своей природе это было политическое сознание, нацеленное на удержание власти любой ценой. На практике оно послужило основанием беспредельного насилия и физического уничтожения огромного количества людей, всех кто представлял истинную или мнимую угрозу для партии большевиков, захватившей власть, по формуле «в отношении противников большевизма позволено всё».

В правовых теориях современных демократических обществ правосознанию, как форме духовного отражения правовой действительности в сознании личности, придается важное значение. Это обусловлено тем, что формирование и действие в обществе позитивного права неразрывно связано с его осознанным восприятием людьми, ибо вне сознания и деятельности человека немислимо правовое регулирование общественных отношений. Именно при помощи правосознания внешние правовые установления, выраженные в нормах права, переводятся во внутренние мотивы и установки личности, а затем – в ее реальное поведение.

Правосознание таким образом оказывает существенное регулятивное воздействие на поведение личности в сфере права. Однако, как писал С.С. Алексеев, механизм его действия замыкается «чисто» духовной сферой. Правосознание «работает» через общую правовую оценку социальных фактов, суждения об их соответствии идее правового и законного, чувство права и законности и вытекающую отсюда волевою направленность поведения людей [1, с. 201]. Это в полной мере относится и к лицам, осуществляющим правоприменение на профессиональной основе.

Следовательно, при всей важности регулятивного потенциала правосознания оно не может выступать в качестве непосредственного и, более того, единственного основания при разрешении конкретных юридических дел, т. е. быть источником права. Таким основанием в странах, относящихся к романо-германской правовой традиции, могут быть только соответствующие нормы позитивного права, а в случае их отсутствия (при использовании аналогии, там где она допускается) таким основанием может быть норма, регулирующая сходные отношения, либо дело решается исходя из общих начал и смысла действующего законодательства.

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 361 с.
2. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий / Е.Б. Пашуканис ; Коммунист. Акад. Секция общ. теории права и государства. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Коммунист. Акад., 1926. – 129 с.
3. Философский словарь / И.Т. Фролов [и др.] ; под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1981. – 445 с.
4. Зивс, С.Л. Источники права / С.Л. Зивс. – М. : Наука, 1981. – 239 с.
5. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1957. – Т. 6. – 757 с.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 33. – 434 с.
7. Гринберг, М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов / М.С. Гринберг // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 63–73.
8. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права : курс лекций / Л.И. Спиридонов ; Санкт-Петерб. высш. шк. МВД России. – СПб., 1995. – 301 с.
9. Новицкая, Т.Е. В.И. Ленин и первые шаги кодификации гражданского права в Советской России / Т.Е. Новицкая // Совет. государство и право. – 1990. – № 1. – С. 113–118.
10. Пашуканис, Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства / Е.Б. Пашуканис // Совет. государство и революция права. – 1931. – № 1. – С. 11–40.
11. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 45. – 190 с.
12. Стальевич, А.К. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / А.К. Стальевич, П.И. Стучка. – Рига, 1964. – 748 с.
13. Лацис, М.И. Красный террор / М.И. Лацис // Крас. террор. – 1918. – № 1. – С. 1–2.
14. Игнатенко, Д.Д. Социалистическая законность (юридическое закрепление права на государственный произвол) / Д.Д. Игнатенко, Р.А. Ромашков // История государства и права. – 1999. – № 1–2. – С. 10–14.